

«Закат великой державы»

Ирины Рыбачёнок

Первая мировая война обернулась катастрофой для Российской империи и всей старой Европы. При этом вызвавшие её противоречия и предрассудки складывались на протяжении десятилетий, задолго до 1914 г. Поэтому образ «заката», возникающий в новой книге известной исследовательницы – доктора исторических наук Ирины Сергеевны Рыбачёнок¹, представляется вполне оправданным. Вместе с тем название монографии перекликается (и по-своему даже полемизирует) с работой другого историка внешней политики России – Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе («*Toward the Rising Sun*»)². Впрочем, у читателя «Заката великой державы» едва ли возникнет ощущение плавного, постепенного и неотвратимого угасания русской внешней политики на рубеже XIX–XX вв. – слишком уж яркий и разнообразный материал собран и тщательно проанализирован автором. Особенностью данного исследования является прежде всего то, что оно не столько обобщает обширную историографию темы (в которой видное место занимают труды самой И.С. Рыбачёнок), сколько дополняет и детализирует созданную в ней картину, придавая ей тем самым новый вид и позволяя по-новому увидеть многие её сюжеты.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук И.В. Лукоянов (Санкт-Петербургский институт истории РАН) и Д.Б. Павлов (Институт российской истории РАН), кандидат исторических наук А.С. Медяков (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) и PhD М.Е. Сорока (Канада), а также А.Ю. Лошаков (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Александр Медяков: «Совершенная несогласуемость интересов»? Русско-германские и русско-австрийские отношения на рубеже XIX–XX веков

Столетие Первой мировой войны заставляет особенно пристально смотреть на международные отношения предшествовавших ей лет, чтобы вновь попытаться разобраться с предпосылками «исходной катастрофы XX века». Новая книга известной исследовательницы И.С. Рыбачёнок предоставляет широкую панораму политических «узлов», с которыми приходилось иметь дело российской дипломатии в 1899–1906 гг. Особый интерес вызывают два из них – «европейский» и «балканский».

¹ *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: Цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.: ил.

² *Schimmlerpenningk van der Oye D.* *Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan.* DeKalb; Illinois, 2001 (*Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009). См. также рецензию А.Ю. Полунова на русское издание: *Российская история.* 2010. № 5. С. 203–205.

По большому счёту, самый крупный «узел», с которым так и не удалось справиться европейским дипломатам, был завязан в 1871 г. в Версале. Создание Германской империи привело к возникновению франко-германского антагонизма и системы союзов. Австро-русское противостояние также усилилось в значительной степени вследствие событий конца 1860-х – начала 1870-х гг., поскольку теперь потерявшая позиции в Германии и Италии монархия Габсбургов лишь на Балканах могла проводить активную внешнюю политику, что, по сути, предопределяло нарастание её трений с Россией. При этом политический и стратегический смысл созданной кн. О. фон Бисмарком системы союзов постепенно менялся. Для него она являлась прежде всего средством примирить традиционную структуру международных отношений в Европе с существованием мощной Германской империи, своеобразным способом вживить Германию в европейскую ткань. С отставкой Бисмарка в 1890 г. и заключением русско-французского союза на смену использованию союзной системы в качестве инструмента регулирования международных отношений пришло противостояние двух блоков. Формально оба они были оборонительными, но как тогда стало возможным их наступательное использование? Не так давно, размышляя над этим вопросом, немецкий историк Ю. Ангелов высказал мнение о «деформации» союзов, произошедшей в последнее десятилетие перед Первой мировой войной и в значительной степени способствовавшей катастрофе³.

Решающие «деформации» произошли вследствие крупных кризисов начала XX в., каждый из которых являлся для союзов испытанием на прочность, сопровождался страхом потерять союзника и завершался цементированием блоков. Период же, освещённый в книге И.С. Рыбачёнок, интересен именно тем, что тогда союзы ещё не были столь «деформированы», их участники обладали достаточной свободой манёвра, шёл поиск новых комбинаций и альтернатив: Англия выходит из «блестящей изоляции», Германия ищет связи с Россией и Францией и предлагает Австро-Венгрии отдать России Константинополь, Вена и Петербург осуществляют «тактику совместных действий» на Балканах. Вместе с тем в книге хорошо показано, как настойчиво Франция пыталась «деформировать» русско-французский союз, придав ему больше определённости, однозначности и усилив его антигерманскую направленность. Россия же, напротив, стремилась сохранить некоторую самостоятельность. Во-первых, поскольку в русско-германских отношениях отсутствовали острые и масштабные противоречия, подобные проблеме Эльзаса и Лотарингии. Во-вторых, как раз из-за французского реваншизма в России и помимо всяческих союзов могли надеяться на то, что в случае конфликта с Германией получат поддержку со стороны Франции. Между тем французы желали придать союзу более жёсткую форму, настаивали на соответствующем изменении его условий и выставляли напоказ всему миру свои тесные контакты с Россией, в том числе, как в случае с приездом в Петербург в 1903 г. президента Э. Лубе, буквально навязывая обмен государственными визитами. Разумеется, это вызывало сильное раздражение в Берлине, хотя, как справедливо указывает И.С. Рыбачёнок, Вильгельм II, демонстрируя династическую близость с русским императором, также стремился ослабить русско-французские связи. Так создавалась та среда взаимного недоверия, которая становилась всё более характерной для Европы начала XX в.

³ *Angelow J. Kalkiil und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 1.*

На рубеже XIX–XX вв. баланс отношений России и Германии складывался из различных, часто противоречивых факторов. Обе страны были тесно связаны экономически, однако существовали и серьёзные проблемы: русско-германский торговый договор 1894 г. явился результатом ожесточённой торговой войны, а упоминающийся в книге И.С. Рыбачёнок договор 1904 г. (с. 139) и во все был навязан России, став постоянным источником трений вплоть до 1914 г. Кроме того, в России опасались претензий рейха на остзейские губернии, в то время как в Германии возмущались их русификацией. Автор справедливо уделяет большое внимание русско-германским разногласиям на Балканах, возникшим из-за усиленного проникновения в этот регион немецкого капитала, участия Германии в перевооружении турецкой армии и планов строительства Багдадской железной дороги. Однако ни одно из этих противоречий не было по-настоящему жизненным для соседних империй, тогда как один взгляд на карту, казалось, подтверждал правоту более позднего высказывания о том, что для России «маленький союз с Германией важнее большой дружбы с Англией». Дружить с далёкими Францией и Англией, гранича с враждебной Германией, или, в случае с Германией, создавать себе угрозу войны на два фронта – всё это выглядело едва ли не как вызов здравому смыслу. И действительно, характер русско-германских отношений невозможно до конца понять без учёта иных аспектов, зачастую находившихся за гранью сугубо рациональных расчётов.

Представление о «русской угрозе» является ярким примером превращения страха в важный фактор международной политики⁴. Страх перед Россией мог иметь различные формы и проявления, начиная от нерелексируемых ощущений, порождённых её географическими размерами, и заканчивая метафизикой национального противостояния. В среде политиков и в образованных кругах Германии на рубеже XIX–XX вв. большое распространение получило учение о «трёх империях», согласно которому судьбы нового столетия будут определять Британия, США и Россия, а Германия рискует не попасть в этот круг избранных⁵. Ещё более популярным было представление о всемирно-историческом противостоянии «германства» и «славянства», в значительной степени определявшее внешнеполитическое мышление правящих кругов Германии вплоть до кайзера⁶.

В России также опасались растущей «германской угрозы», имевшей к тому же ещё и внутреннее измерение в виде пресловутого «немецкого засилья», подразумевавшего возможность экономического подчинения России «армией немцев, которые вместо пушек везут с собой гроссбухи», как писал в начале XX в. известный сатирик В. Дорошевич. Идея противостояния «славянства» и «германства» активно развивалась в неославянофильской публицистике, а в практической политике находила выражение в том феномене, который ещё кн. П.А. Вяземский называл «славянолюбием», а Бисмарк – «славянской политикой чувства» («slawische Gefühlspolitik»), т.е. в стремлении поддерживать

⁴ Исследователи всё чаще обращаются к изучению его роли. См., в частности: *Bormann P. Furcht und Angst als Faktoren deutscher Weltpolitik 1897–1914 // Angst in den internationalen Beziehungen. Göttingen, 2010. S. 71–90.*

⁵ *Neitzel S. Außenpolitische Zukunftsvorstellungen in Deutschland um 1900 // 1900: Zukunftsvisionen der Großmächte. Paderborn, 2002.*

⁶ *Paddock T.R.E. Creating the Russian Peril. Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester; N.Y., 2010. P. 88–90.*

движения балканских славян даже тогда, когда это не оправдывалось каким-либо рациональным политическим расчётом. В книге И.С. Рыбачёнок хорошо показана непоследовательность и противоречивость балканской политики России, а также наличие в ней двух линий – взвешенной и «эффектной», проводившихся, соответственно, гр. В.Н. Ламздорфом и А.П. Извольским. Российские дипломаты, служившие на Балканах, сообщали о том, что местные элиты видят в России лишь «дойную корову», не скрывая своего корыстного и пренебрежительного отношения к ней, а «страдальцы» и «борцы» чаще похожи на уголовников. Но «славянолюбие» торжествовало: в МИД исходили из представлений о «единоверии и единоплеменности», об «исторической задаче» России на Балканах и т.п., общественное мнение идеализировало угнетённых «славянских братьев», а военное ведомство включало в свои расчёты армии балканских государств, считая их естественными союзниками в условиях «борьбы славянского мира с германским».

Такие взгляды воспринимались в Германии как «панславизм» и ещё больше отравляли русско-германские отношения. Особенно опасным был перевод метафизики «борьбы германства и славянства» в логику военных целей и планов. Уже при рождении Германской империи из факта её «серединного положения» были сделаны два разных вывода: Бисмарк стремился обеспечить тыл Германии, поддерживая дружбу с Россией, а Г. фон Мольтке-старший уже в 1871 г. составил первый немецкий план войны на два фронта. Независимо от текущей политической конъюнктуры подобные соображения, обретшие наиболее законченную форму в плане А. фон Шлиффена 1905 г., всегда учитывались немецкими военными и оказывали всё более сильное обратное воздействие на немецкое общество, превратившись в начале XX в., по словам немецкого историка В. Моммзена, в «топос неизбежной войны»⁷.

Но, несмотря на подобные настроения, в изучаемый И.С. Рыбачёнок период германское политическое руководство пыталось проводить своеобразную «политику свободных рук». Однако авансы, раздававшиеся тогда едва ли не всем великим державам, лишь демонстрировали непоследовательность Берлина и укрепляли недоверие к его действиям. И если И.С. Рыбачёнок, говоря о России, связывает «закат великой державы» в том числе и с отсутствием у правительства общей внешнеполитической концепции и нечётким представлением о геополитических интересах (с. 566–568), то нечто подобное можно сказать и о Германии. Большинство исследователей пишут о «бесконцепционности», «поликратическом хаосе», отсутствии единства в германской внешней политике этого времени⁸. Наиболее предпочтительным в Берлине признавали сближение с Англией, хотя и «континентальная лига» в составе Германии, России и Франции также рассматривалась как возможный вариант и даже «излюбленный проект» кайзера⁹. Впрочем, в действительности эти замыслы, нашедшие конкретное выражение в Бьёркском договоре 1905 г., разрабатывались не столько с целью создать позитивную основу для дальнейшего сотрудничества, сколько для того, чтобы разорвать франко-русский союз или, как выразился Вильгельм II, освободить «Германию из омерзительных галльско-русских клещей», поставив Россию в зависимость от рейха. И судя по тем свидетельствам,

⁷ Neitzel S. Op. cit. S. 68.

⁸ Schneider I. Die deutsche Rußlandpolitik 1890–1900. Padeborn etc., 2003. S. 83–84.

⁹ Ullrich V. Die nervöse Großmacht 1871–1918. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs. Frankfurt a/M, 1999. S. 207.

которые приводит И.С. Рыбачёнок, гр. Ламздорф оценивал ситуацию совершенно адекватно.

В то же время германская политика «свободных рук» имела и иные, более благоприятные для России последствия. Поиск Берлином на рубеже веков новых внешнеполитических комбинаций, вне рамок Тройственного союза, привёл к тому, что его связи с Веней вступили в «фазу расслабления»¹⁰, а это создавало новую обстановку и новые возможности для контактов России с монархией Габсбургов.

Говоря о взаимоотношениях России и Австро-Венгрии, И.С. Рыбачёнок цитирует слова Ламздорфа о «совершенной несогласуемости» их интересов на Балканах (с. 21). В них явно сказывалось сильнейшее недоверие, осложнявшее взаимодействие двух держав. Между тем подобный подход отчасти опровергался самим фактом австро-русской «антанты» на Балканах в 1897–1908 гг. Конечно, это сближение было во многом вынужденным. В Петербурге, в условиях активизации дальневосточной политики, а затем и начавшейся революции, стремились «поставить Балканы под стеклянный колпак». Австро-Венгрия переживала сильнейший кризис, связанный с чешско-немецким языковым конфликтом 1897 г. и осложнением в 1903 г. положения в Венгрии, куда военное руководство даже готовилось вводить войска. Всё это вынуждало к отказу от активных действий в балканских делах, однако для сотрудничества, тем более столь продолжительного, требовалось и нечто большее, а именно наличие общих интересов и специфическая конфигурация позиций великих держав, в частности, лабильность системы союзов, характерная для рубежа XIX–XX вв.

Общий интерес обеих империй состоял в сохранении на Балканах *status quo*. Уже в декабре 1896 г. в России и Австро-Венгрии почти синхронно решили отказаться от тех целей, которые более всего волновали противоположную сторону: в Петербурге признали слишком рискованным захват проливов, а в Вене констатировали отсутствие необходимости в новых территориальных приращениях¹¹. Проводя в эти годы оборонительную по своей сути политику на Балканах, обе державы должны были выстраивать её, исходя из сложного взаимодействия факторов – национальных амбиций балканских народов и государств, перспектив краха Османской империи, собственных взаимоотношений, европейской ситуации. Сложившийся порядок устраивал обе стороны, поскольку предохранял от наиболее опасного в их глазах оборота событий в случае распада Турции – возникновения крупного государства на границах Австро-Венгрии и перехода контроля над проливами от «турецкого привратника на Босфоре» в руки более сильной державы. Для его сохранения Россия и Австро-Венгрия прибегли к тактике, выходящей за пределы альтернативы «раздел или разграничение», которую обозначил цитируемый в книге И.С. Рыбачёнок С.Д. Сказкин, а именно – к совместному регулированию кризисных ситуаций на Балканах. При всём обоюдном недоверии и упрёках эта тактика доказала свою жизнеспособность, пройдя испытания Греко-турецкой войной 1897 г. и кризисом 1903 г. в Сербии. Самое яркое своё воплощение она получила в «мюрцштегской пунктуации» 1903 г. Более того, наметилась тенденция австро-русского сотрудничества и за пределами Балкан. Во всяком случае, договор о взаимном нейтралитете 1904 г. имел уже общеполитический, европейский

¹⁰ *Angelow J.* Op. cit. S. 120.

¹¹ *Bridge F.R.* Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten // Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Bd. VI/1. Wien, 1989. S. 290.

характер. Русско-австрийское сближение отчасти являлось также следствием некоторого охлаждения между Берлином и Веной.

К началу XX в. монархия Габсбургов и Германия находились едва ли не на максимальном удалении друг от друга со времён заключения союза 1879 г. Экономические интересы Австро-Венгрии серьёзно пострадали от введённого Германией в 1902 г. протекционистского тарифа на аграрную продукцию. Большую обеспокоенность вызывали у австрийцев и сообщения немецкого Генерального штаба о том, что в случае европейской войны Германия нанесёт удар по Франции, в то время как Австро-Венгрии придётся нести всю тяжесть войны с Россией¹². В Вене были также чрезвычайно задеты, когда в январе 1902 г., характеризуя международную ситуацию, германский канцлер Б. Бюлов заявил в своей знаменитой речи в рейхстаге, что Тройственный союз уже не является необходимостью. Поскольку для австрийского политического руководства не составляли тайны попытки Германии найти новых союзников в лице Англии или России, возникал вопрос о пересмотре роли Австро-Венгрии внутри Двойственного союза 1879 г. и её места в Европе. И если министр иностранных дел гр. А. Голуховский, крайне осторожный и опасавшийся новых инициатив политик (за эти качества сотрудники прозвали его «Голу-шляфский», от «schlafen» – «спать»), предпочитал сохранять прежние отношения с Германией и рассматривал «антанту» с Россией исключительно как тактическое средство, предназначенное для решения конкретных балканских задач, то противостоявшая ему группа высокопоставленных дипломатов во главе с послом Австро-Венгрии в Петербурге бароном А. Эренталем видела в этом сотрудничестве основу для своеобразной реинкарнации «Союза трёх императоров» 1881 г. На рубеже веков идея нового «союза трёх орлов» и антиреволюционной солидарности становилась всё более популярной среди различных национальных элит Австро-Венгрии¹³. Развивая подобные проекты в своих меморандумах, Эренталь не только выражал собственные крайне консервативные взгляды и стремления, но и пытался снять остроту противоречий внутри и вне границ Дунайской монархии и тем самым добиться большей независимости её от Германии.

Но особенно важные последствия новый характер связи с Россией мог иметь для внутреннего развития Австро-Венгрии. В качестве субъекта международных отношений монархия Габсбургов отличалась единственной в своём роде спецификой, вытекавшей из ее многонационального характера, дуалистической структуры и прямо влиявшей практически на все стороны внешнеполитической деятельности – процессы принятия политических решений, союзные отношения, обеспечение безопасности. Например, тот же Голуховский в 1906 г. был вынужден уйти в отставку вследствие мощного венгерского давления. Дипломатия также во многом зависела от соотношения национальных сил внутри империи, и, в частности, союз с Германией традиционно пользовался поддержкой венгров. Хорошо понимая это, сменивший Голуховского Эренталь надеялся сочетать внешнее сближение с Россией с внутренним переустройством монархии Габсбургов на основах триализма. Он планировал создать внутри неё «югославянский блок», который, соединяя австрийскую Далмацию,

¹² Pantenburg I.F. Im Schatten des Zweibundes. Probleme österreichisch-ungarischer Bündnispolitik 1897–1908. Wien etc., 1996. S. 218.

¹³ Höbelt L., Stochel-Nabielska T. «Therapeutischer Nihilismus». Zukunftsvisionen im «alten Österreich» um 1900 // 1900: Zukunftsvisionen der Großmächte. S. 95.

венгерскую Хорватию, а также Боснию и Герцеговину, служил бы противником как венграм, всё сильнее демонстрировавшим стремление к самостоятельности, что расшатывало систему дуализма, так и великосербской пропаганде¹⁴. По иронии судьбы именно тот министр иностранных дел, который гораздо больше, чем его предшественники, был настроен на серьёзное сотрудничество с Россией, пытаясь реализовать свои планы, вызвал знаменитый Боснийский кризис 1908–1909 гг., ставший, как справедливо отмечал в своё время К.Б. Виноградов, настоящим прологом Первой мировой войны.

Однако многое решилось ещё до него. В том же 1906 г., которым завершается исследование И.С. Рыбачёнок, неудача на Альхесирасской конференции заставила Германию пересмотреть своё положение в Европе и отношения с союзниками. Осенью 1906 г., выступая в рейхстаге, Бюлов впервые произнёс слово «окружение», подразумевавшее, что империя со всех сторон обложена врагами, «как зверь в лесу». Это представление, широко воспринятое в обществе и местами принимавшее характер едва ли не фобии, лежало в основе попыток «прорвать» враждебное «окружение» в ходе предвоенных кризисов, которые в корне изменили ситуацию с союзами. В австро-германском союзе на смену достаточно рыхлой связи рубежа веков вскоре пришла, как выразился тот же Бюлов, «Нибелунгова верность» и готовность во что бы то ни стало поддерживать партнёра. В том же направлении эволюционировал и противоположный блок: каждый пройденный кризис всё туже закручивал спираль конфронтации, в итоге закончившейся мировой катастрофой и «закатом» не одной великой державы, а всей старой Европы.

Дмитрий Павлов: Максимально полная и достоверная картина внешней политики России на рубеже XIX–XX веков

Новая и, безусловно, этапная работа И.С. Рыбачёнок подводит итог её многолетнему изучению системы международных отношений рубежа XIX–XX вв. и места в ней России¹⁵. На этот раз исследовательница сосредоточила своё внимание на периоде с 1899 по 1906 г. (от созванной по инициативе России первой конференции мира в Гааге до Альхесирасской международной конференции, подводившей итоги Танжерского кризиса), который она справедливо именуется переломным в истории нашей страны (с. 6). Действительно, вступив в XX столетие первоклассной великой державой, одновременно континентальной и океанической, но неожиданно проиграв войну Японии и пережив потрясение первой революции, уже к 1906 г. Российская империя во многом

¹⁴ *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 561–562.

¹⁵ Различные аспекты этой обширной и важной темы освещены ею в серии документальных публикаций и исследовательских работ: «Оружие, направленное против России» // Источник. Документы русской истории. 1995. № 1; «Граница между Россией и Японией может быть только одна – океан» // Источник. Документы русской истории. 1995. № 5; *Рыбачёнок И.С.* Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 4–5; *она же.* Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. // История. Традиции. Культура: Европейский альманах. 2006. М., 2007; Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки / Под ред. И.С. Рыбачёнок. М., 2003; Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. и коммент. И.С. Рыбачёнок. М., 2004; и др.